

11. Доклад начальника школы майора милиции Бурченкова И. П. «Об итогах работы Могилевской специальной школы милиции МВД СССР за 1955/1956 уч. г. и задачи на 1956/1957 уч. г.» на учебно-методическом сборе, 18 сент. 1956 г. // АМИМВД. — Планы учебно-воспитательной работы и протоколы заседаний учебного совета за 1956/1957 учебный год. — Л. 24–43.

УДК 304

С. В. Вендиктов

*начальник кафедры социально-гуманитарных дисциплин
Могилевского института МВД,
кандидат филологических наук, доцент*

МЕДИАГРАМОТНОСТЬ И ИНФОРМАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА В УСЛОВИЯХ «ИНФОДЕМИИ COVID-19»

MEDIA LITERACY AND INFORMATIONAL CULTURE IN THE CONTEXT OF THE «COVID-19 INFODEMIC»

Аннотация. В статье анализируется понятие медиаграмотности как элемент общей информационной компетентности личности в условиях инфодемии — «эпидемии дезинформации», связанной с пандемией COVID-19. Обосновывается необходимость формирования у аудитории компетенций самостоятельной диагностики потребляемого медиапродукта, выявления фейковых сообщений.

Ключевые слова: медиаграмотность, информационная культура, инфодемия, COVID-19, фейковая новость, манипуляция, дезинформация.

Annotation. The article analyzes the concept of media literacy as an element of the general information competence of a person in the context of infodemia — a «disinformation epidemic» associated with the COVID-19 pandemic. The necessity of forming the audience's competencies of self-diagnosis of the consumed media product, identifying fake messages is substantiated.

Keywords: media literacy, information culture, infodemia, COVID-19, fake news, manipulation, disinformation.

Устоявшиеся представления о медиаграмотности как о компоненте системы «мягких навыков» (англ. soft skills) — существенном, но не критически важном элементе общей компетентности личности, характеристике общего уровня подготовленности современного специалиста —

в настоящее время претерпевают стремительную трансформацию. Подобно тому, как традиционная грамотность в XX веке перестала быть привилегией, превратившись в безальтернативный фактор существования личности, компетентность в информационной сфере в течение последних десятилетий стала стержневым компонентом индивидуальной, социальной, профессиональной и культурной активности индивида. Подобные изменения вызваны, во-первых, объективным возрастанием роли массовой информации в социальных процессах, во-вторых, значительными изменениями в коммуникационной инфраструктуре, в-третьих, трансформацией мировой информационной системы из вспомогательного в центральный элемент политической коммуникации.

Поясним наш тезис. Первая его часть закономерно следует из содержания концепта информационного общества, которое стало реальностью, предопределяющей новый способ существования личности в коммуникационном пространстве, организации экономической деятельности, функционирования образовательной сферы, сохранения и передачи интеллектуальных и духовных ресурсов. Вторая часть утверждения подразумевает создание и совершенствование новой материальной среды (в первую очередь, компьютерной) для продуцирования, тиражирования, распространения, хранения информации. Наконец, взаимосвязь медиаграмотности и политической коммуникации следует из общепризнанного тезиса о том, что все функции современной массовой коммуникации имеют политически релевантный характер, а система средств массовой коммуникации (как традиционных СМИ, так и новых медиа) во многом способна заменить привычную систему политической коммуникации.

Названные обстоятельства позволяют пересмотреть также понятие информационной культуры, которое, на наш взгляд, целесообразно изучать на нескольких уровнях: индивидуальном, социальном, общетеоретическом (модельном). На индивидуальном уровне информационная культура является элементом общей культуры личности, который включает в себя компетенции осознанного потребления, продуцирования и распространения информации, а также понимание общих закономерностей функционирования СМК и современного коммуникационного пространства. Социальное измерение информационной культуры связано с общим состоянием информационно-коммуникационной среды в определенном сообществе, реализацией принципов социальной ответственности в деятельности медиаструктур, эффективностью функционирования системы обратной связи в политической сфере. Общетеоретический уровень информационной культуры подразумевает создание теоретических

моделей, имеющих универсальный характер и позволяющих описывать актуальное состояние коммуникационного пространства.

В рамках данной работы нас в первую очередь интересует индивидуальный уровень информационной культуры, а также связанные с его развитием компетенции индивида. К перечисленным выше компетенциям, на наш взгляд, следует добавить способность к субъективной фильтрации информационных потоков, осознанному потреблению медиaproдукта, противостоянию различным формам информационной агрессии. 2020 год, отмеченный общемировой борьбой с распространением COVID-19, позволил говорить о подобных компетенциях как о критически важных для человека. Взаимосвязь между уровнем информированности, просвещенности индивида и его социальной активностью стала как никогда очевидной: разделение информации на официальную и неконтролируемую сетевую, широкое распространение конспирологических теорий, борьба за лидерство коммуникационных ресурсов, активное внедрение в общественный дискурс ложных данных и манипулятивных технологий создали новую реальность существования *homo communicativus*. Наибольший уровень консолидации и поддержки проводимых правительствами противоэпидемиологических мероприятий демонстрировали сообщества, характеризующиеся традиционно высоким уровнем коммуникационного единства (например, Япония, Южная Корея, Сингапур, Италия и др.).

Как отмечалось в отчете международной организации Human Rights Watch (HRW — «Страж прав человека»), ситуация с распространением COVID-19 вынесла на глобальную повестку дня вопрос о соблюдении информационных прав граждан, причем в ряде стран «власти не обеспечили соблюдения права на свободное выражение мнений, применяя санкции против журналистов и работников здравоохранения. В итоге это привело к ограничению эффективного информирования общества о распространении инфекции и к подрыву доверия к действиям государства» [1]. Различные формы манипуляции представляют собой стратегии создания ложной информации, принимающей форму слухов, сплетен, разных видов неавторизованных сведений, представляющих вербальную агрессию [2], что отражает распространение в современной политической коммуникации «постправдивой» политической культуры (англ. *post-truth politics*). В качестве примеров ошибочной коммуникационной стратегии в отчете HRW приводится сокрытие информации о коронавирусе и о количестве заболевших в Китае, нестыковки в официальных и неофициальных данных по вирусу на фоне утраты доверия местными СМИ в Иране,

судебные иски в отношении интернет-ресурсов, критиковавших государственные меры по борьбе с эпидемией в Таиланде, и т. п. Как положительный отмечен опыт Тайваня в распространении информации в режиме реального времени, Сингапура — в мобилизации населения, Италии — в проведении правительством агрессивной информационной кампании по противодействию распространения коронавируса.

Очевидно, что совокупный информационный продукт тематического поля COVID-19, размещаемый в национальных и мировых СМИ, а также открытых интернет-ресурсах и каналах в мессенджерах, значительно превосходит способности осознанного потребления индивида. И условия свободного доступа к информации (или ограничения доступа к ней в пределах, допустимых международными стандартами), а также грамотная коммуникационная политика государства не становятся факторами полной реализации прав *homo communicativus*. В такой ситуации уровень медиаграмотности важен как условие недопущения потребления ложной или некорректной информации — т. н. «фейков» («фальшивых новостей»), получивших распространение в интернет-пространстве.

Фейком принято считать информацию, не соответствующую действительности, которая преднамеренно распространяется в медиа с целью дезинформирования общественности, формирования ложного представления о реальной картине мира, провоцирования неадекватных форм социальной активности путем манипулирования общественным мнением (формирования «нужного» мнения). С марта–апреля 2020 г. в интернет-среде начался значительный рост количества фейковых сообщений, посвященных COVID-19. Так, в январе 2020 г. информационное агентство Sputnik News распространило информацию о том, что коронавирус SARS-CoV-2 создан человеком и представляет собой новый вид биологического оружия НАТО. Позднее через арабское подразделение Sputnik эта информация была растиражирована и в ближневосточном медиапространстве, и на иных ресурсах (например, на поддельной интернет-странице, якобы принадлежащей британской вещательной корпорации BBC). Эксперты Центра глобального взаимодействия (GEC — Global Engagement Center) отмечают также механизм создания глобальной «фейковой экосистемы», где ложное сообщение из одного государства подхватывается СМИ других стран, тиражируется, а затем возвращается в страну происхождения под видом эксклюзивной новости из-за рубежа [3]. Подобным образом весной 2020 г. Министр иностранных дел Китая на своей интернет-странице разместил репост информации из канадского ресурса конспирологической направленности Global Research, где утверждалось, что вирус SARS-CoV-2 был целенаправленно завезен

в Ухань американскими военными во время Всемирных военных игр в октябре 2019 г. При этом публикация в Global Research была не авторской, а представляла собой переиздание материалов китайской международной газеты Global Times, выходящей на английском языке.

Еще в феврале 2020 г. на Мюнхенской конференции по безопасности Всемирная организация здравоохранения объявила об опасности «массовой инфодемии» («эпидемии дезинформации»), связанной с недостаточной либо искаженной информацией о вирусах, которая мешает людям получать достоверные данные и корректировать свое поведение: «Фейковые новости распространяются быстрее и проще, чем вирус. И они точно так же опасны» [3]. В центре инфодемии был Китай. Укрепившись в массовом сознании (во многом благодаря Интернету), определение «китайский вирус» негативно сказалось на внешнем имидже КНР [4]. В ответ онлайн-ресурсы Китая активно обсуждали теорию создания SARS-CoV-2 ЦРУ США для сдерживания экономического роста Китая [5].

В апреле 2020 г. интернет-портал EUvsDisinfo.eu, созданный для борьбы с информационной манипуляцией, разместил материал «Повторение лжи не превращает ее в правду» (Repeating a lie does not make it true), в котором были проанализированы 5 основных фейковых новостей, связанных с COVID-19: «Вирус создан в США»; «Евросоюз не в состоянии противостоять угрозе»; «Коронавирус не представляет серьезной опасности»; «Происходящее — часть секретного плана мировой элиты»; «Коронавирус, вероятнее всего, был создан НАТО» [6]. В материале отмечено, что только за 1 месяц (с начала марта по начало апреля 2020 г.) в медиапространстве было размещено 283 фейковые новости по рассматриваемой тематике на английском, русском, арабском, французском и итальянском языках.

В условиях информационной перегрузки (которой является «демократия шума» в тематическом поле коронавируса) аудитории, не обладающей должным уровнем медиаграмотности, становится проблематичным определить, какая из представленных в Сети новостей является истинной, а какая — имеет манипулятивный характер. Поэтому особую актуальность приобретает наличие у граждан навыков самостоятельной диагностики потребляемого медиапродукта, выявления в его структуре признаков, позволяющих отнести ту или иную новость к дезинформативной. К числу наиболее общих критериев определения дезинформации (фейковых новостей) могут быть отнесены [7]:

1. Отсутствие ссылок на первоисточник информации, использование анонимных, неформальных источников (например: «Группа авторитетных ученых-эпидемиологов, проводящих исследование в ЕС, выяснила реальную причину распространения вируса» и т. п.). Зачастую в отношении подобной информации понятие авторства как такового не применимо. В этой связи аудитории рекомендуется внимательно подходить к выбору источников получения новостей: редакционная политика крупных вещателей обязывает тщательно проверять любые новости до выхода в эфир или размещения на интернет-сайте (что, однако, не является гарантией подлинности информации).

2. Акцент на том, что важная информация скрывается от аудитории официальной властью либо иными заинтересованными субъектами, действия которых направлены против интересов общества (например: «Реальное количество инфицированных, очевидно, превосходит официальные цифры и не подлежит разглашению»).

3. Наличие аудиовизуальной информации, которая в изоляции от контекста и комментариев не связана с обсуждаемой проблемой и может допускать противоречивые трактовки в зависимости от целей манипулятора (например: фотография из палаты отделения интенсивной терапии способна натолкнуть на мысль о неспособности системы здравоохранения обеспечить помощь всех нуждающихся).

4. Апелляция к эмоциям аудитории без указания конкретных данных, количественных и/или качественных характеристик явления (например, «Это угроза, которой не избежать никому» и т. п.).

Общими целями распространения фейковых новостей, циркулирующих в политическом дискурсе, являются сокрытие правды либо продуцирование информации, не соответствующей действительности, а также получение политических выгод или конкурентных преимуществ, стратегическое сокрытие истинных целей в межгосударственной деятельности [8]. С этой точки зрения искажение информационной картины действительности является неизбежным явлением, а наблюдаемая инфодемия, связанная со спекулятивным использованием тематического поля COVID-19, — объективным следствием состояния глобальной медиасферы.

Таким образом, упомянутые в статье процессы, происходящие в современном коммуникативном пространстве, а также тенденции использования информационных ресурсов в целях получения политической, экономической либо идеологической выгоды, фактической легализации манипулятивных технологий в качестве инструмента конкуренции требуют актуализации существующих медиаобразовательных программ

и пересмотра подходов к их содержанию [9]. Медийная грамотность как цель медиаобразования и один из ориентиров общегуманитарной подготовки личности, на наш взгляд, может быть сформирована на массовом уровне лишь в условиях взаимодействия образовательной и научной среды, политических институтов, структур гражданского общества и, что особенно важно, профессиональных и независимых СМИ, нацеленных на распространение объективной информации.

Список основных источников

1. COVID-19 и права человека [Электронный ресурс] // Human Rights Watch : официальный сайт организации. — Режим доступа: <https://www.hrw.org/ru/news/2020/04/01/340211>. — Дата доступа: 07.04.2021.
2. Иванова, С. В. Технологии дискурсивного оформления слухов в политическом дискурсе массмедиа / С. В. Иванова, З. З. Чанышева // Политическая лингвистика. — 2014. — № 2 (48). — С. 39–49.
3. Фейки о коронавирусе: как COVID-19 стал «биологическим оружием» [Электронный ресурс] // Сайт издания «Deutsche Welle». — Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/фейки-о-коронавирусе-как-covid-19-стал-биологическим-оружием/a-52981908>. — Дата доступа: 10.04.2021.
4. Пекин возмутился названием «китайский вирус» для COVID-19 [Электронный ресурс] // Сайт газеты «Известия». — Режим доступа: <https://iz.ru/983098/2020-03-04/v-kitae-vozmutilis-nazvaniem-kitaiskii-virus-dlia-covid-19>. — Дата доступа: 14.04.2021.
5. China's rulers see the coronavirus as a chance to tighten their grip [Electronic source] // The Economist Newspaper. — Mode of access: <https://www.economist.com/china/2020/02/08/chinas-rulers-see-the-coronavirus-as-a-chance-to-tighten-their-grip>. — Date of access: 09.04.2021.
6. Repeating a lie does not make it true [Electronic source] // EUvsDisinfo.eu : online database. — Mode of access: <https://euvsdisinfo.eu/repeating-a-lie-does-not-make-it-true/>. — Date of access: 09.04.2021.
7. Венидиктов, С. В. Технологии медийной манипуляции в «постправдивом» обществе / С. В. Венидиктов // Философия и экономика в эпоху цифровой трансформации : сб. тезисов докладов по материалам Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 15 дек. 2020 г. / БГЭУ ; под ред. А. А. Головач [и др.]. — Минск, 2020. — С. 93–97.
8. Mearsheimer, J. J. Why Leaders Lie. The Truth about Lying in International Politics [Electronic source] / Mearsheimer, J. J. // Ebooks-share.net: electronic library. — Mode of access: <http://www.ebooks-share.net/whyleaders-lie-the-truth-about-lying-in-international-politics/>. — Date of access: 15.02.2021.
9. Венідзіктаў, С. В. Медыядакуцыя і інфармацыйная бяспека / С. В. Венідзіктаў // Журналістыка-2020 : матэрыялы 22-й Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 12–13 ліст. 2020 г. / БДУ ; рэдкал.: В. М. Самусевіч (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : БДУ, 2020. — С. 7–11.